

После того как поели, помыли посуду и подготовили фрукты, он с колодой карт в руках улыбнулся Чу Хуншэну и Линь Юнмину:

— Давайте сыграем в карты! Я научу вас новой игре — «Борьба с помещиком»!

Не было денег на телевизор, чтобы скоротать время, поэтому приходилось прибегать к таким играм, иначе время тянулось слишком медленно.

И вот спустя два часа...

Линь Юнмин, который раз за разом становился помещиком и каждый раз проигрывал, так что его лицо было облеплено бумажками, оттолкнул карты:

— Хватит!

Сюэ Динъюань молча посмотрел на Чу Хуншэна...

Ему тоже было нелегко, ведь его карты были плохими, он даже не мог вызваться быть помещиком. А у Чу Хуншэна карты были отличные, но он никогда не вызывался, всегда оставаясь крестьянином вместе с ним. Даже если он хотел поддаться Линь Юнмину, это было не так-то просто!

Но, глядя на Линь Юнмина, чье лицо было покрыто бумажками, он уже не казался таким страшным...

Время медленно, но неумолимо двигалось вперед.

Раны Линь Юнмина заживали день за днем, и в то же время он чувствовал, как его авторитет падает с каждым днем...

Куда делся тот Сюэ Динъюань, который его немного побаивался? Может, стоит попросить доктора Юя снова замотать его, как мумию?

Хотя в последнее время он был очень счастлив, почти как в лучшие дни после смерти деда, но он понимал, что больше не может откладывать дела.

В этот момент вернувшийся с улицы Чу Хуншэн бросил ему пачку денег:

— Последняя партия тоже продана.

Линь Юнмин кивнул.

Он попросил Чу Хуншэна продать украшения его матери.

Его дед очень любил мать, боялся, что без приданого ее будут презирать в семье, поэтому тайно купил ей много украшений, большинство из которых были антиквариатом. Внешне говорили, что это фамильные драгоценности, которые передавались от предков матери. Даже Тао Пэйсин об этом не знал.

Но когда Тао Пэйсин выманил у Линь Цинъюэ акции, он показал свое истинное лицо, и поэтому эти вещи оказались в руках Линь Юнмина.

Он хотел оставить их на память, но когда уходил из семьи Тао, у него было всего несколько тысяч юаней наличными...

Даже если он готов был начать с малого, Тао Пэйсин не позволил бы ему хоть как-то преуспеть в Бинчэне.

Продажа недвижимости требовала его личного присутствия, что было невозможно, поэтому он попросил Чу Хуншэна продать эти вещи за бесценок.

Он стиснул зубы, понимая, что шансов вернуть эти вещи практически нет, но иного выхода не было.

На самом деле он не собирался продавать все, но несколько дней назад он вышел из дома — могилу Линь Цинъюэ все же перенесли, и он хотел перед отъездом из Бинчэна взглянуть на нее, а потом...

Он прервал свои мысли и обратился к Чу Хуншэну:

— У меня есть идея...

Сюэ Динъюань не знал обо всем этом, в этот момент он был в магазине.

Ван Гохуа в последнее время смотрел на Сюэ Динъюаня с ненавистью. Он больше не отпускал язвительные замечания, а буквально готов был наброситься на него и разорвать.

С тех пор как Сюэ Динъюань стал менеджером, он ничего не продал.

Уже прошло около двадцати дней, и ни одного товара не было продано.

Он явно не хотел приносить ему прибыль!

Но каждый раз, когда он пытался отчитать Сюэ Динъюаня, тот жалобно прятался за спину Ло Синьнин, и она тут же заступалась за него.

Если бы не зарплата в тысячу двести юаней, он бы давно поссорился с Ло Синьнин.

Но терпеть дальше он уже не мог, поэтому на лице появилась фальшивая улыбка:

— Невестка, ты слишком защищаешь Сюэ Динъюаня.

Ло Синьнин презрительно посмотрела на него:

— Если я тебя защищаю, ты уже так себя ведешь, а если бы не защищала, ты бы его съел?

— Он целыми днями ничего не продает, а я, как менеджер магазина, не могу его поругать?

— В первый же день я сказала, что в этом магазине не смотрят на показатели, — пожала плечами Ло Синьнин. — К тому же, Сюэ просто в последнее время ничего не продает, а ты вообще никогда не продавал.

Ло Синьнин тоже подозревала, что Сюэ Динъюань специально противостоит Ван Гохуа, ведь такое поведение никому не понравится.

Но ей было все равно, она тоже недолго любила Ван Гохуа, она была такой своевольной!

Что касается потерь Сюэ Динъюаня, она просто выдаст ему премию в конце месяца.

Видя такое отношение Ло Синьнин, Ван Гохуа почувствовал себя еще более униженным и с насмешкой произнес:

— Ло Синьнин, ты так защищаешь Сюэ Динъюаня, может, у вас роман? Я с первого дня заметил, что между вами что-то не так. Я называю тебя невесткой, чтобы напомнить, что у тебя есть мужчина. Я хотел намекнуть вам, чтобы вы вели себя прилично, но похоже, у вас вообще нет стыда. Если так, то не обижайтесь, если я буду действовать жестко.

Ло Синьнин задрожала от злости:

— Ван Гохуа, говори с доказательствами. Ты так клеветешь, тебе не стыдно?!

Сюэ Динъюань тоже не ожидал, что Ван Гохуа скажет такую чушь. Он перевел взгляд на Ван Гохуа, глядя на него жестко:

— За свои слова нужно отвечать. Я терпел тебя не потому, что боялся.

Ван Гохуа сжался под взглядом Сюэ Динъюаня, но вспомнив, как тот вел себя в последние дни, он выпрямился:

— Что я наговорил? Вы, возможно, давно уже вместе, парочка распутников...

Не дав ему вымолвить следующее, еще более грубое слово, Сюэ Динъюань прямо с кулаком ударил Ван Гохуа в лицо. Удар был сильным, и Ван Гохуа упал на пол, губа сразу же треснула.

Сюэ Динъюань подошел к нему и, глядя сверху вниз, накрыл его своей тенью:

— Скажешь еще хоть слово?! За каждое слово я выбью тебе зуб!

Ван Гохуа в страхе отполз назад, дрыгая ногами:

— Ты... ты не подходи, иначе я вызову полицию.

Но Сюэ Динъюань продолжал шагать к нему, и на лице появилась совершенно невинная улыбка:

— В первый же день я тебе сказал, что мне всего шестнадцать. Если ты меня доведешь, я сделаю тебя калекой, и мне за это ничего не будет.

Увидев эту улыбку, Ван Гохуа испугался еще больше. Он встал, еле держась на ногах, и побежал к выходу, но перед уходом, как и все заурядные злодеи, бросил на прощание:

— Вы еще пожалеете!

Сюэ Динъюань, видя, как он убегает, усмехнулся в душе, но, обернувшись к Ло Синьнин, сделал озабоченное лицо:

— Нинь-цзе, он... наверняка пойдет жаловаться твоему парню. Это все из-за меня, я не сдержался.

Ло Синьнин вздохнула и махнула рукой:

— Это не твоя вина.

Сюэ Динъюань видел, что, хотя Ло Синьнин так говорила, ее выражение лица и тон были тяжелыми.

Видимо, она тоже думала, что Ван Гохуа пойдет к У Юаньсуну и наговорит гадостей. Она не хотела ссориться с У Юаньсуном из-за этого, но знала, что он будет давить на нее.

Однако он специально не зарабатывал деньги все это время, чтобы Ван Гохуа не выдержал и начал искать повод, а затем поссорил Ло Синьнин и У Юаньсуна.

Метод подстрекательства может быть низким, но против подлецов чем подлее, тем эффективнее.

Он так думал, сидя в стороне и изображая беспокойство, чтобы Ло Синьнин это видела.

На самом деле все зашло так далеко, потому что он не ожидал, что Ван Гохуа опустится до такого уровня, используя их пол для нападков. Ведь между ними была разница в семь-восемь лет.

К тому же в то время ошибки в отношениях между мужчиной и женщиной воспринимались гораздо серьезнее, чем позже, и это сильно влияло на репутацию Ло Синьнин.

Сюэ Динъюань нахмурился. Что-то было не так.

Если бы Ван Гохуа действительно считал Ло Синьнин родственницей, он бы не сказал такого — ведь если бы она действительно стала его невесткой, У Юаньсун бы тоже затаил обиду.

Так что... вспоминая, что в прошлой жизни Ло Синьнин и У Юаньсун все же расстались, может, уже тогда было что-то не так?

Ло Синьнин, видя, как Сюэ Динъюань сидит с жалким видом, хотя ей самой было немного тяжело, подошла утешить его:

— Сегодня это действительно не твоя вина. Если бы я могла его побить, я бы сама это сделала.

<http://bllate.org/book/16745/1561776>